

VENDELA VIDA

WE RUN THE TIDES

*Посвящаю эту книгу
своим школьным подругам
и учителям, которые сразу увидят,
что вся эта история — вымысел*

Почему за ничтожнейший побег
от рутины девушка должна платить
такую высокую цену? Почему все
естественное ей приходится скрывать
за завесой притворства?

*Эдит Уортон,
«Обитель радости»*

1984-1985

1

Нам по тринадцать — уже почти четырнадцать, — и улицы Си-Клиффа принадлежат нам. По этим улицам мы поднимаемся в школу, гордо высящуюся над океаном; по этим улицам сбегает вниз на холодные, продуваемые всеми ветрами пляжи, где сидят с удочками рыбаки и околачиваются всякие чудики. Об этих широких улицах нам известно все: где они идут в гору или под уклон, где сворачивают к берегу. И все здешние дома хорошо нам знакомы. Вот в этом величественном кирпичном особняке жил фокусник Великий Картер: внутри дома был устроен кинотеатр, а обеденный стол поднимался из люка в полу. А вон в том, где во дворе над океаном длинные качели, жил Пол Кантнер из «Джефферсон Старшип» — может, и сейчас живет. Качели он поставил для Чайны, своей дочери от Грейс Слик. Чайна родилась в один год с нами, и, проходя мимо, мы всякий раз поглядываем на качели — вдруг она там? А вон в том внушительном доме с нежно-розовыми стенами однажды была вечерин-

Вендела Вида

ка, и вдруг ворвались грабители в масках: одна гостя отказалась расставаться с кольцом, и ей отрубили палец. Мы знаем, где живет наш школьный тренер по теннису (синий дом в тюдоровском стиле, на каждый Хеллоуин его украшают лохмотьями декоративной паутины), знаем, где живет завуч (белый дом с черными воротами) — обе они женщины, обе замужем. Знаем, где живут доктора и адвокаты и те коренные горожане, чьи фамилии прославлены отелями и особняками в других частях Сан-Франциско. И, что важнее всего — поскольку нам по тринадцать и учимся мы в школе для девочек, — мы знаем, где живут мальчишки!

И тот высокий, у которого на ногах перепонки между пальцами. Иногда мы ходим к нему на Сивью-Террас смотреть кино с Биллом Мюрреем — и восхищаемся тем, как он со своими друзьями знает все реплики Билла наизусть: точь-в-точь как сами мы помним каждое слово из «Изгоев». И тот, что однажды на пляже порвал на мне серебряную цепочку, мамин подарок: схватил и дернул, а я убежала. И тот, что приходил в гости, когда мне поставили кровать с пологом: решил, что она двухъярусная, залез на полог и сломал. Починить как следует так и не удалось: до сих пор один столбик смотрит в сторону. Мы подозреваем, что именно этот парень со своими дружками вывел на незастывшем цементе напротив нашей школы — женской школы «Спрэгг» — надпись: «ДЕВКИ ИЗ «СПРЭГГ» ЗАДОВАКИ».

На гребнях волн

Неизвестно уж, пальцем писал или прутиком, но надпись осталась на века. «Ха! — говорим мы, проходя мимо. — Они даже не знают, что «задавака» пишется через А!»

Знаем, где живет тот красавчик, у которого папа служит в армии. В Сан-Франциско он приехал недавно, а раньше жил где-то у Великих Озер и до сих пор носит клетчатые рубашки с короткими рукавами — в тех местах все так ходят. Отец его, должно быть, в каком-то высоком чине — иначе почему они поселились не в Пресидио, где обычно живут семьи военных? Впрочем, в армейских порядках мы не разбираемся и о них не думаем: военные стригутся под ноль, а это совсем не круто. Знаем, где живет мальчик без руки, хотя и не знаем, где и как он потерял руку. Он часто играет в теннис в парке на Двадцать Пятой авеню или в бадминтон в переулке позади своего дома; по этому переулку, если пройти немного дальше, можно попасть к нам домой. Во многих кварталах в Си-Клиффе есть такие переулки с гаражами; там ставят машины, чтобы не загораживали вид на океан или на Золотые Ворота. Наш район в Сан-Франциско — один из первых, где кабели электропередачи стали прокладывать под землей, чтобы провода не портили пейзаж. Такие уж здесь традиции: все некрасивое положено скрывать.

Знаем того старшеклассника, что живет в соседнем доме. Его семья разбогатела во времена золо-

Вендела Вида

той лихорадки: об этом написано в нашем учебнике по истории Калифорнии. В светской хронике «Ноб-Хилл Газетт», которую каждый месяц бесплатно приносят нам на крыльцо, нередко попадают фотографии его родителей. Он блондин, и к нему часто приходят друзья, тоже старшеклассники, посмотреть футбол. Из сада мне хорошо видно, чем они занимаются у себя в гостиной. От нашего забора до их дома расстояние всего фута три, и несколько раз я залезала к нему в окно. Зачем? А просто так. Вот такая я крутая. Крутая и загадочная. Сидела у него в гостиной и воображала, как кто-нибудь из этих взрослых парней приглашает меня на выпускной. А потом меня там застукали. Я бросилась бежать, кто-то из парней схватил меня за пояс джинсов, и несколько секунд я перебирала ногами на месте, словно в мультике. Все они покатались со смеху, а я еще долго расстраивалась. Стало ясно: для них я маленькая дурочка и никто меня на выпускной не пригласит. С тех пор соседи держат окно закрытым.

Есть еще парни Просперо, сыновья доктора: жили в нашем доме, пока папа его не купил. Легендарная семья. Притча во языцех. Эти Просперо были абсолютно чокнутые. Когда моим родителям показывали дом, в той комнате, где теперь живу я, весь пол был усеян пивными бутылками и иглами. И стекла везде побиты. Если случается в разговоре с мальчишками постарше упомянуть, что я живу в

На гребнях волн

бывшем доме Просперо — на меня сразу смотрят с интересом, даже (так мне хочется думать) с уважением. А взрослые, когда об этом заходит речь, качают головами и говорят: какая беда, подумать только, ведь такая приличная семья, отец врач — а дети...

Именно из-за младших Просперо дом достался нам так дешево. Они его превратили в притон. Вообще-то страшно представить, что твои дети, когда вырастут, начнут приводить домой друзей-наркоманов и писать на стенах гадости краской из баллончика — но папа не стал отвлекаться на эту печальную историю. Он умеет, ни на что не отвлекаясь, идти к цели: это его суперспособность. Сам он вырос в съемной квартире на третьем этаже где-то на задворках Миссии и, как и многие его друзья, к пятнадцати годам перепробовал уже десяток заработков. Разносил газеты, раскладывал товары на полках в бакалее, проверял билеты в кино-театре «Хейт». Шесть дней в неделю стоял в дверях и отрывал билетки, а в выходной сам шел в кино. Еще в средней школе как-то отправился на велосипеде на пляж в Си-Клифф, увидел, какие там роскошные дома, и сказал друзьям: «Рано или поздно я поселюсь в этом районе». И слово сдержал. Мама тоже росла в бедности — она родилась в Швеции, на ферме, в большой и дружной семье — так что оба умеют экономить: никаких ужинов в ресторанах, отопление включается только для гостей — и